

Дмитрий КАНТОВ

Впервые увидев Дмитрия Кантова, я подумал, что где-то уже видел этого человека. И сразу понял где: на фото Николая Заболоцкого, того еще, находящегося в заключении, пишущего домой «и пришли мне немного жиров». Этаким смиренный бухгалтер или инженер по технике безопасности, который совсем скоро напишет «Некрасивую девочку», «Старую актрису», «Можжевельный куст» и в котором, кажется, уже ничего не осталось от «Столбцов» и «Лодейникова». Узнал в Заболоцком Кантова. Я не о внешнем сходстве. Хотя оно имеется в достаточной степени. Я о сходстве нутряном. И даже не о душе, а о Духе, который, как известно, сам выбирает, на ком Ему почивать. Я слушал и читал глазами стихи Дмитрия Кантова и, возможно, воспринимал их совсем не так, как видит их сам автор. Я и сейчас хочу видеть нечто большее, нежели то, что в них читается. Я чувствую: в них есть нечто недостижимое для человека, нечто непостижимое человеком, и это недостижимое и непостижимое обращено к Богу. Не знаю как, но Дмитрий Кантов нашел способ говорить с Богом на Его языке. Потому-то Кантов всегда невозмутим и спокоен. Да, невозмутим и спокоен, потому что знает цену, нет, не себе, но Слову вообще и поэзии в частности. И еще, я уверен, он знает, что Слово вообще и поэзия в частности не смогли в этом веке обойтись без него. А то, что стихи Дмитрия Кантова, в которых живет нечто важное для человека, как «хлеб наш насущный», мало кто читал, совсем неудивительно. Далеко не всякий способен вместить и удержать в себе Слово, не всякий способен Его понести. Стихи Дмитрия Кантова не столько для нашего времени, сколько на все времена, как «Некрасивая девочка», «Старая актриса» и «Можжевельный куст» Заболоцкого. Да, на все времена, но не для всех. И уж, конечно, не для стадионов. Поскольку то малое стадо, которому они предназначены и духовную жажду которого способны утолить, пожалуй, уместится на полутора стульях районной библиотеки.

Евгений КАМИНСКИЙ

ИЗ ДИЛАНА ТОМАСА

И смерть не будет властью обладать:
У мертвых будет и живых одна
Под ветром заходящая луна.
Но праведные встанут в полный рост
Из рак и просияют ярче звезд.
Ждет берег милый утонувших в море
И разум — обезумевших от горя,
В любви не будет повода страдать.
И смерть не будет властью обладать.

Дмитрий Владимирович Кантов родился в 1965 году. Поэт, церковный писатель, православный гимнограф. Автор нескольких поэтических сборников. Публиковался в толстых литературных журналах. Лауреат премии журнала «Звезда». Живет во Владимире.

И смерть не будет властью обладать:
Тем, кто на дно морское угодили,
Не вечно пребывать в подводном штиле,
И в их подует ветер паруса.
А снятых с дыбы или с колеса
В те дни, когда под видом веры в Бога
Зло высилось, как рог единорога,
Их, мучеников, не убить опять.
И смерть не будет властью обладать.

И смерть не будет властью обладать.
Да, им ни крики чаек не слышны,
Ни рокот набегающей волны;
Они (цветы, что венчики свои
Под капли подставляли дождевые)
Сейчас — как гвозди: с головой, да неживые.
Но вдруг, покуда солнце не зашло,
Они пробьются сквозь ромашки на тепло?
И смерть не будет властью обладать.

ПАМЯТИ МАМЫ

1

Она твердила: «Это ж не работа!
Стихи, они поделье, а не дело».
И сокрушалась: «Ох, сынок, на что ты
Себя обрек!» Она меня жалела.

Потом смирилась: «Не стяжал ни чести,
Ни денег. Пусть! Зато живем, как жили.
А ловкачи, с кем ты учился вместе,
Тот спился, тот в тюрьме, а те в могиле».

А под конец: «Когда меня не будет, —
Сказала, — не оставит Бог, не сетуй.
Поэты все равно что Божьи люди...»
Теплеет на душе от мысли этой.

.....

4

Знала мама три строки всего:
«Ходит Богородица средь рая,
Яблочки златые собирая
Для Христа, Младенца Своего...» —

«Где слыхала эту песню ты?» —
«Да у нас, в Неклюдове, певали

На Успеньев день, как выпивали...»
Кто ее сложил? Скопцы? Хлысты?..

Был не рай, а коллективный сад.
С первого ручья до снегопада
Что ни день, то на участок надо
Маме — восемь месяцев подряд.

Кроме вишен войлочных и слив,
Рос там штрифель, и пепин шафранный,
И предмет заботы постоянной,
Гордость мамы — золотой налив.

Яблоки с кислинкой были злой.
Почва нрав кислотный не теряла,
Сколько бы ее ни удобряла
Мама доломиткой и золой.

Битых яблок приперев рюкзак,
Проклинал я эти «витамины».
Сразу на помойку половину,
А вторую — отдавал за так.

«Никаких ни грядок, ни лопат! —
Маме врач сказал. — Избави, Боже!»
Вслух она при мне мечтала, лежа:
«Вот поправлюсь — погляжу на сад».

Нет, не поглядела на него...
Ходит мама средь Христова рая,
Яблочки златые собирая
В ожиданье сына своего.

КУСТ СИРЕНИ

Учись у них — у дуба, у березы...
А. Фет

Наше... жительство — на небесах...
Флп. III, 20

Проявил человек свою власть
И урезал природу.
Потому что сирень разрослась
И мешала проходу.

По зиме у дубов, у берез —
Нам советует гений —
Брать урок. Дополненье б я внес:
А весной — у сиреней.

И ушла от земли она ввысь.
Вновь цветенье такое,
Что дивишься! Но как ни тянись,
Не достанешь рукою.

Куст стоит — головой в небесах —
И внушает, как Павел:
«Кто на боль нас обрек и на страх,
Нам и выход оставил».

* * *

Летняя ночь, восхитительный мрак
И — после зноя — прохлада.
«Господи, пусть все останется так! —
Шепчешь ты. — Что еще надо!»

Дождь барабанит, и хмыкаешь ты,
Вспомнив о чем-то смешном. А,
Днем полила ты из шланга кусты,
Грядки, лужайку у дома.

Трещины сверху вдоль неба пошли
Белые и голубые.
Сам не хочу (громыхнуло вдали)
Жизни другой и судьбы я.

«Пусть все останется так, как сейчас, —
Снова мне шепчешь в плечо ты, —
Боже!..» И странно представить, что нас
Видит и слушает кто-то.

ОТКРЫТКА «С ДНЕМ АНГЕЛА!»

Ирине

Мальчик с девочкой, два ангелка,
Вдоль по полю бегут друг за дружкой.
А пшеница густа, высока:
Укрывает обоих с макушкой.

Но за спинами — Ангел. Какой
К ним приставлен хранитель могучий!
Их обоих одною рукой
Он подхватит над самую кручей.

Взрослых нет, совершенно одни —
Полыхают румянцем счастливым
И несутся: не знают они,
Что кончается поле обрывом.

Одного нам такого же — да? —
На двоих бы хватило, как детям.
Только б вместе мы были всегда...
Ангел мой, ты согласна ли с этим?

ЭПИЗОД ИЗ ЖИТИЯ ПРЕСВИТЕРА ПЕТРА

Отца Петра (он с чашей на иконе),
Когда в конце сороковых у нас,
В Заколпье, в Гусь-Хрустальном он районе
Служил, арестовали в третий раз.

Был возраст у него уже солидный,
За шестьдесят. Не на лесоповал
И не на шахту — в лагерь инвалидный,
В поселок Абезь батюшка попал.

И умереть не дали человеку —
На вещевой определили склад.
Нехитрая работа — выдать зэку
Ушанку, скажем, там, или бушлат.

В санчасть тогда же был религиозный
Философ Лев Карсавин помещен.

Шел в легких у него туберкулезный
Процесс, необратим уже. И он

Решил, что исповедаться бы кстати.
«А то без покаяния умру».
И младшего соседа по палате,
Ванеева, послал к отцу Петру.

Петр обещал Ванееву: приду, мол, —
И не пришел. Возможно, потому
Что «Это провокация!» — подумал,
Что стукнут и накинут срок ему.

Дня через два пришел Ванеев снова.
«Пока в сознание он, а не в бреду,
Придите, исповедуйте больного...»
И Петр опять пообещал: «Приду».

Ни во второй — тут ясно без вопросов, —
Ни в третий раз он не явился, нет.
«Что ж, Петр на то и Петр», — сказал философ.
Такой, почти евангельский, сюжет.

И, составляя житие святого
Петра, включил и случай этот я.
Но мне велел епископ остролова
Карсавина убрать из жития.

Как будто нет чудесного рассказа:
Христос воскресший — ночью у костра
Сидит с Петром, отрекшимся три раза,
И спрашивает трижды у Петра:

«Ты любишь ли Меня?» Тот отвечает:
«Да, Господи!» — расстроенный вконец.
И трижды Иисус его прощает
И говорит: «Паси Моих овец».

Едва ль винил отца Петра Карсавин:
Что на сучок смотреть в чужом глазу?
Он, хоть и был всецело православен,
Пред смертью исповедался ксендзу.

А Петр пресвитер, выйдя на свободу,
В глухой был послан Пятницкий приход.
Но сколько шло туда к нему народу!
И до сих пор (к мощам уже) идет.

Советские чиновники хотели
Его «в заштат почислить», и не раз.
Вот кто овец Христовых в самом деле
Апостольски, до дня кончины пас.

Не возразил епископу тогда я,
Урезал житие Петра. И вот
Вину сегодня искупил, считаю,
Вам показав изъятый эпизод.

НАЧАЛО ЛЕТА

В июне, помню, первого числа
Нас, школьников, свозили спозаранку
На площадь городскую. Та была
Расчерчена. Поставив на делянку,

Мел выдавали каждому из нас.
Зеленым, красным, голубым и белым,
Присев или нагнувшись, целый час
Асфальт мы штриховали этим мелом.

«Я вижу мир» — так звался конкурс тот.
В нем побеждали те, кто рисовали
Солдата, что под знаменем идет,
Иль вздыбившийся танк на пьедестале.

И как-то раз внимание мое
Привлек один рисунок — справа, рядом:
Спит девочка, а кукла на нее
Сидит и смотрит любопытным взглядом...

Я поразился: «Как он так сумел!
Малец вот этот, словно из детсада».
И отложил я в сторону свой мел.
Понятно, не мальчика ждала награда.

Я рисовал жирафа. Без стыда
Я вспомнить не могу его, уродца.
«Я не художник! — понял я тогда. —
Стихи писать — одно мне остается!»

И ощущал я до исхода дня,
Что мир несправедлив, судьба сурова...
И лето наступило для меня
Не первого июня, а второго.